

Алексей Шишкин

* * *

Желтый майский закат предпобедный
Не дымит, не копит в облака.
Он такой же, как тот, заповедный,
Что горит в орденах старика.
И салюта победного радость
Тот закат на весь мир возвестил.
Да и мне его слава досталась,
Чтобы память рассказов хранил.
О войне я по-разному слышал
От отца — он в боях уцелел —
Он из тех, кто из марева вышел,
И не сгинул, в огне не сгорел —
А отец, как всегда, улыбался —
Он героем себя не считал.
Но уже о войне начитавшись,
Кое в чем я ему возражал.
И какой бы ни стала держава,
И куда бы нас жизнь ни вела,
Независима вечная слава —
Точно крылья свои обрела!

г. Липецк

Иван Волосяк

* * *

Давай о смерти ни гугу,
кто был не прав — война поправит,
мой голос внутренний картавит,
и я по снегу, как могу,
иду домой.

Но медленней ползет улитка,
чем я (во сне) туда иду.
Что, если это не молитва,
а так — губами шевелю,
о, ангел мой?

Хоть стены там тепла не держат,
есть только стулья и кровать...
Из человека выпал стержень,
и больше нечего ломать.

* * *

Снег сам собой не образует мифа:
мы бабу снежную лепили — дети скифов,
сакральный смысл оставив на потом,
с кургана покатались кувырком.

А зимы были страшные: страшнее,
чем ночь в бомбоубежище. Дощечки
привязывали вместо лыж к ногам,
и даже если дом не уцелеет,
то в кухне летней как-нибудь у печки
перезимуем. И хвалу богам

весной, когда снега сойдут с курганов,
мы выразим посредством истуканов.

* * *

Трое смотрят, светится один...

Андрей Фамицкий

Я был немым, но мой светился рот,
и, кулаком не пробивая лед,
я видел: ты со мною говорила.
Здесь и звезде бывать неважно,
ее солдат сбивает на лету,
орлы — над нами, а над ними — вилы.

Давай, мой мальчик, там, в степи, ложись,
ты солнцу говорил: «Остановись!»,
повязанный мышленьем Птолемея.
Но в глубине души весь космос зрил,
и вот Господь тебе глаза открыл,
и ты застыл, пред Ним благоговей.

г. Донецк

Марина Дубикова

* * *

Иней на землю прилег незаметно,
Выкрасив в цвет седины сухостой,
Крыши машин, оголенные ветви,
Тихий покой совместив с красотой.
Легкий туман затемнил горизонты,
Дым из трубы совершает полет.
Невозмутимую веточку тронь, ты —
Легкий пушок на ладонь упадет!
Зимнее солнце укрылось за тучу,
Редкая птица пронзит тишину...
Лютый мороз! Что же может быть лучше
Русской зимы, что чарует страну!
Зимы России — исток благодати!
Тлеют в камине сухие дрова;
Может, романтик, поэт и писатель
К этой зиме подбирают слова.

г. Воронеж

Александр Слепокуров

ПРО БАХА И ЛИСТА

Упейтесь рапсодией Листа,
Проникнитесь фугами Баха...
Налейте стакан гармонисту —
Он вам это сбацает махом.
Не надо ему клавикорда
И знать все органа регистры.
Лишь голову вскинет он гордо,
И пальцы забегают быстро.
Меха, распахнув свою душу,
Природной наполнятся силой.
Не Бах и не Лист, но послушай —
Там все по-простому красиво!

Там все: и рулады, и трели,
И грусть потаенная мнится,
И свадьба на прошлой неделе,
И баба — да Бог с ней! — бранится.
Упейтесь рапсодией Листа,
Проникнитесь фугами Баха...
Не сетуйте на гармониста,
Что выдал другое с размахом.

г. Воронеж

Вера Калашникова

СМОТРИТЕЛЬ РОДНИКА

По росным травам к роднику,
набрать воды в дорогу,
вдоль берега реки бегу
под ястребиным оком.

Его река — не широка,
но омуты глубоки,
испытывают смельчака
таинственные токи.

Его луга — не велики,
и наклонились травы,
но пышат мелкие цветки
огнями величаво.

Его родник — природы крик,
он хищнику не нужен,
но ястреб видит, кто приник,
водой очистить душу.

г. Воронеж

Валентина Мажулина-Мелёхина

* * *

Не все рассветы хороши,
Не все закаты справедливы,
Но стану все равно счастливой
Я в глубине своей души.
Все притягательнее день
И все стремительней движенье.
Найду его я отраженье,
Когда падет на землю тень.

И настезь распахну окно
Сияющим навстречу звездам:
Пока еще совсем не поздно
С сияньем их быть заодно.
Душа надеждою живет,
Простым желанием томится:
Не пропустить бы мимо птицу,
Ту, что мне счастье принесет.
Сегодня пишется легко
И жизнь пою в любой раскраске —
Пешком, в такси, в телеге тряской
Еще мне ехать далеко.
И, может быть, удастся вдруг
Понять значенье скрытых смыслов:
И отчего дым коромыслом,
И станет ли светлей вокруг?

г. Воронеж

Ирина Васильева

* * *

Такое настроение с утра —
Молчать, не чувствовать, не помнить.
Безмолвна отрешенности пора,
Когда не в силах прекословить, —

И ты идешь куда-то не спеша,
И в этом есть особая примета:
Печалью очищается душа,
Душа освобождается для света.

В безоблачном покое сентября
Застыла очертаний позолота.
Ты думаешь, что в жизни все не зря,
Что не случаен в ней случайный кто-то.

И ты идешь куда-то не спеша,
И в этом есть особая примета:
Печалью очищается душа,
Душа освобождается для света.

г. Воронеж

Ольга Андреева

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Сто машин. Пешеходов на улице нет.
Я иду на зеленый мерцающий свет.
Город в прятки играет с полсотней ворон,
кружит небо мое каруселями крон,

только где-то в степи бьется сердце коня,
пропуская свой ток сквозь меня, сквозь меня.

А их, наверно, тысяча — корректных, с четким почерком,
с широкими плечами и высокими IQ,
начитанных, накачанных, ментально навороченных —
и никогда не въехать им — чего я тут стою.

Сто машин, подождите, послушайте ритм.
Мы не можем спешить — раз, два, три, раз, два, три...
Только вальс — он во мне и никак не вовне,
а холодные взгляды — ножом по спине.
Бьется сердце степи, бьется сердце коня —
а холодные взгляды летят сквозь меня.

Странно лязгающим джазом
передергивал затвор,
покосился мутным глазом
на зеленый светофор,
поднял выше ствол граненый,
воедино слился с ним...
Он стрелял, стрелял в зеленый —
но огонь неуязвим!

Сто машин бьют копытом, грызут удила.
Почему не спешу? И откуда пришла?
Ночь следа не оставит, запутает след,
ночь отправит в нокаут и даже в декрет!
Бьется сердце коня и стучит за версту,
и никто не догонит девчонок «Тату»!

Ночь цикадами дразнит, и сводит с ума
сладкий запах акаций и звезд кутерьма.
Чистой флейтою спорит трава на ветру,
тихой скрипочкой вторит трамвай комару...

Сто машин. Пешеходов на улице нет.
Я иду на зеленый мерцающий свет.

* * *

Февраль ведь только что прошел —
и вот, пожалуйста — опять.
Зима — и дождь. Нехорошо.
Нельзя так часто наступать

на горло мне. Уже хриплю,
и плохо сплю, и пью женьшень.
Отточен слух — стрелу ловлю.
В меня — я легкая мишень.

Все так прозрачно, что пора
смотреть внимательно, насквозь.
Какой сквозняк! Небес дыра
разверзлась под напором слез.

А слезы в дождь — что шубы в дождь,
что лыжи в дождь — такой же бред.
Осталась ожиданья ложь
в таком далеком декабре.

Но скоро прорастет трава,
Замкнется вечное кольцо.
Не надо прятаться в слова.
Доверьте мне свое лицо!

г. Ростов-на-Дону

Владимир Болохов

* * *

Продавали — собаку. Точней, продавал
мужичонка в кепчонке кургузой.
Приценялись. Глазели в клыкастый оскал.
Да никто, хоть заплачь, кошелька не достал.
Ни к чему, мол, и даром — обуза.

Пес тревожно зевал — с виду смиренный такой,
только шаркал хвостом по скамейке.
А небритый хозяин косился с тоской —
на витрину, в которой — достанешь рукой —
хоть залейся злодейки-с-наклейкой.

«Как зовут живота? — дошлый дядька спросил. —
Не шалавый? — ишь уши вдоль шерсти...»
— «Верным» кличут... А уши-то он опустил,
потому как в понятие, что я зачертил...
Забирай... Дай хоть граммов на двести...

«Да ты спятил? Таковую красу — за стакан!
Иль взаправду с изьянцем собака?..
Или ты безнадежный, дружище, болван,
а скорее, еще со вчерашнего пьян...
Но давай-ка проверим, однако...»

И проворно так — цап продавца за плечо,
а свободной рукой — замахнулся..
Взвился взорванный рык — над асфальтом — свечой,
вспыхнув острым огнем языка — горячо,
и, хрипя в поводке, захлебнулся...

Пес улегся. Лишь вздрагивал вздыбленный бок.
И, кирзовую вывернув сумку,
инвалид натянул на культую поводок
и, скормив — припасенный на закуску — кусок,
прошептал: «Ты прости меня, суку!..»

* * *

*Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробужженный в сердце май?..*

Сергей Есенин

Петляет пологий проселок
в раздолье некошенных трав.
И как не свернуть за пригорок,
где брызжет призывное «гав!»?

Не зря озорник лопухий
заливистый шлет мне привет.
В карманно-табачной макухе
отыщется пара конфет.

Окрест — лучезарные всплески
да жаворонки — надо мной...
И твякнул с лукавостью детской
пружинный комок — за спиной.

Забавная радость мордашки,
восторженный танец хвоста.
С оберточной сладить бумажкой —
задача не так-то проста.

Урчит забияка лохматый,
лобастой крутя головой...
И кажется, больше не надо
ему — да и мне — ничего...

г. Новомосковск